

МОРАЛЬНЫЕ И РАСОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ: АВСТРАЛИЙСКИЙ ВЗГЛЯД

Владимир Крупник

БЕЛОЕ И ЖЕЛТОЕ – ИСТОКИ НЕНАВИСТИ И НОВЫЕ РЕАЛИИ

Австралийцы, которым довелось воевать против японцев во ВМВ, выросли в то время, когда понятие «расового превосходства» было значительно более приемлемым, чем в нынешние политкорректные времена. Неприязненное отношение к азиатам в целом было типично для Австралии XIX - начала XX века, и даже во время Русско-Японской войны, несмотря на открытую поддержку, оказанную Великобританией Японии, на пятом континенте имели место вполне естественные и дальновидные антияпонские настроения, а в печати мелькали пророссийские высказывания. Во время Первой Мировой войны Австралия тесно сотрудничала с японцами в рамках союзнических отношений, но, когда Япония в 1919 году попыталась добиться включения пункта о недопустимости расовой дискриминации в устав Лиги Наций, это предложение было решительно и успешно отвергнуто Уильямом Хьюзом – тогдашним премьер-министром Австралии. В 1941 году премьер-министр Джон Кертин обосновал вступление Австралии в войну против Японии приверженностью нации принципам «Белой Австралии» - официальной политики, препятствующей въезду в страну цветных иммигрантов.

Расизм оставался существенным элементом австралийского мировоззрения и между двумя мировыми войнами. Элемент расизма присутствовал в австралийском Законе об Обороне, который определял принципы комплектования австралийских вооруженных сил, в которые не могли вступать люди стопроцентного аборигенского происхождения. Некоторые аборигены, тем не менее, записывались в армию. В частности, один из них, героически проявивший себя в боях на Тропе Кокода, Новая Гвинея (Kokoda Track), был охарактеризован военным корреспондентом, как «белый человек до мозга костей». С большой неохотой брали в австралийскую армию людей азиатского происхождения – об этом рассказывали по ТВ немногочисленные ветераны. Однако, на военном кладбище неподалеку от Дарвина автор этих строк видел могилы умерших от ран солдат с китайскими именами на надгробиях.

Как и аборигенов, австралийцы иногда называли японцев «черными». Тем не менее, определение «желтый» было более привычным, чаще всего будучи частью презрительных кличек типа «мелкие желтые вонючки», «грязные желтые ублюдки», «мелкие желтые свиньи» и т.д. Физическая нечистоплотность попадавших в плен японских солдат часто являлась основанием для еще одного оскорбительного термина - «грязные японцы».

Для австралийцев невысокие, грязноватые, желтые люди были «расово неполноценными». Командующий 7-й пехотной бригадой после победы над японцами в районе залива Милн (Новая Гвинея) доложил, что разгром врага стал «наиболее эффективным путем демонстрации превосходства белой расы». Под этим подразумевалось, что концепция превосходства белой расы подверглась испытаниям на более раннем этапе войны. Она нуждалась в подтверждении после поражений, нанесенных японцами австралийцам в Малайе, Сингапуре, на Яве, Тиморе, Амбоне и в Новой Британии.

Падение Сингапура и другие победы японцев в начале 1942 года придали расовой ненависти по отношению к японцам уровень истерии. Одновременно с этим быстро сформировался образ непобедимого японского «солдата-супермена». Первые победы

над японцами пошатнули этот образ, к этому добавились впечатления от имевших довольно жалкий вид японских солдат. Австралийский солдат в письме домой в феврале 1944 года писал, что *«японцы, еще остающиеся на Новой Гвинее и Новой Британии никогда не вернутся домой. Они будут сметены. Те, которых я видел, не представляют из себя ничего существенного. Они живут в грязи, и те, которые не будут убиты, умрут от болезней»*.

Другой солдат вспоминал, что *«они [японцы] – словно умные животные с некоторыми человеческими чертами, но никоим образом не достигающими полного [человеческого] уровня, и мы именно так их и расценивали – как животных»*. Высший офицерский состав поощрял подобное отношение к противнику. Генерал Блэйми в 1942 году говорил австралийским солдатам в Порт-Морсби, что японцы – «недочеловеческое зверье», а в начале 1943 года назвал японцев «занятой расой – помесью людей и обезьян». Солдаты 9-й дивизии, переведенной из Африки на Новую Гвинею и готовившейся к боям против японцев в 1943 году, могли услышать на лекциях от обстрелянных в боях против японцев офицеров, что «японец – просто образованное животное». Очевидно, это был существенный элемент «политработы», так как война в Северной Африке отличалась джентельменским отношением воюющих сторон друг к другу, и ее по сей день в Австралии часто называют «войной без ненависти». Солдат, прошедших бои в африканской пустыне, требовалось подготовить к новым реалиям.

Эта концепция помогала объяснить успехи японцев в начале войны их быстрой приспособляемостью к примитивным природным условиям. Она же оправдывала жестокость по отношению к японцам. Ветеран Северо-Африканской кампании, рядовой Джон Батлер, так написал о своем первом столкновении с противником: *«Этим утром я наткнулся на голову хорошего японца – это был мертвец – такой же, как и проклятый бабуин; убивать этих отвратительно выглядящих животных – даже не убийство»*. Двумя месяцам позже он писал о раненых австралийцах, что их вывели из строя «недочеловеки, полуобразованные бабуины». В ходу было выражение «хороший японец – это мертвый японец».

Физическое отвращение к японцам было присуще не только рядовым. Офицер-медик в конце 1942 года так описал свое первое столкновение с японцами: *«Я не хочу, чтобы это приняли за преувеличение, пропаганду или призыв к общественному мнению, но должен честно сказать, что никогда не видел чего-то более отвратительного, чем эти подбострастные, жалкие, изможденные люди. «Они выглядят как животные,» - сказал священник. Другие уподобляли их отвратительным насекомым или паразитам»*. Еще один солдат так описал пленных японцев в письме домой из района Тропы Кокода: *«Между двумя крепкими, вымазанными в грязи охранниками стоял засаленный, раболепный японский пленный, казавшийся всем ссохшейся обезьяной-недомерком»*. В наше время эти характеристики и сравнения отчетливо напоминают нацистскую расовую пропаганду, хотя среди австралийских солдат отношение к нацизму было крайне негативным. Так или иначе, подобное расистское презрение к японцам было характерно в те времена и для американцев...

В самой Австралии, однако, правительственная кампания марта-апреля 1942 года, пропагандирующая ненависть к японцам, была встречена относительно прохладно. Авторитетная газета *Sydney Morning Herald* оспаривала ее в одной из статей следующим образом: *«Австралийцы не нуждаются в стимулах к борьбе против японских агрессоров, и, определенно, им не нужен поток дешевых оскорблений и тщетных усилий в подражании доктору Геббельсу»*. Эта кампания была отрицательно встречена 54 процентами австралийцев, как показал опрос общественного мнения. Тем не менее, расистская фразеология, в той или иной степени, еще долго присутствовала в языке средств массовой информации.

ПРИЧИНЫ НЕНАВИСТИ

Ненависть к японцам, разумеется, базировалась не только, и, вероятно, не столько на расовых предрассудках. Враждебное отношение к японскому милитаризму набирало обороты еще до войны, когда общественному мнению стали известны факты превосходящего, по тем временам, все мыслимые пределы поведения японских солдат в оккупированной части Китая. Были случаи, когда австралийские докеры отказывались отгружать железную руду, предназначенную к отправке в Японию. Реальный опыт первых месяцев войны на Тихом Океане подтвердил сложившееся мнение о японцах. Известия об их зверском отношении к пленным быстро достигли Австралии, и в ужасы, о которых рассказывали немногочисленные уцелевшие свидетели, многие просто не хотели верить. Расстрелы пленных, убийства захваченных раненых, отработка на них приемов штыкового боя и рубки мечом, тем не менее, были реальностью. О том, что из 20 000 попавших в плен австралийцев бесследно исчезнет не менее трети, страна узнает только в 1945 году. Австралийцам еще предстояло узнать о бесчеловечном отношении к военнопленным и обращенным буквально в рабов мирным жителям оккупированных стран, работавшим на строительстве железной дороги Таиланд-Бирма, где погибло не менее 100-120 тысяч человек. Но и на Новой Гвинее японцы почти столь же безжалостно относились к местному населению: жестокость и садизм по отношению к коренным жителям острова были повсеместными, убийства и изнасилования происходили на каждом шагу.

На Новой Гвинее в почти партизанских условиях ведения боевых действий при быстро перемещавшейся во всех направлениях линии «фронта» австралийцы вскоре убедились, что поведение японцев по отношению к пленным действительно бесчеловечно: они повсеместно натыкались на трупы расстрелянных, а чаще убитых штыком в грудь пленных. Бывало, австралийцы находили изрубленные на куски мечами и даже сожженные трупы своих соотечественников. Примечательно, что один из редких пленных японцев так прокомментировал зверское отношение к пленным: *«С австралийцами жестоко обращались по приказу офицеров и пытали их для того, чтобы японские солдаты не сдавались из страха испытать на себе те же жестокости, которые совершались по отношению к австралийцам»...*

Найденная на теле убитого японца и обошедшая весь мир фотография, ставшая символом японских зверств: казнь австралийского сержанта Леонарда Стиффлита в октябре 1943 года

Тяготы войны на Новой Гвинее, плохое снабжение японских войск продовольствием, привели к голоду среди японских солдат. В нескольких случаях в период боев на Тропе Кокода австралийцы находили трупы своих солдат, у которых были отрезаны куски плоти. Кстати сказать, каннибализм имел место среди японских солдат и в Китае – я сам слышал в телеинтервью признания уже совсем старого японского ветерана: очевидно, многие из них не видели в этом ничего предосудительного.

По-видимому, нет ничего удивительного в том, что австралийцы часто расправлялись с пленными. Ветераны боев на Новой Гвинее признают это сейчас в телевизионных интервью. Поведение японцев было, с точки зрения австралийцев, вероломным и лишенным всякого рыцарства. Японцы без промедления стреляли в санитаров, выносивших с поля боя раненых (в Северной Африке об этом речь даже не шла), а их летчики беспощадно бомбили и обстреливали полевые госпитали. Известно, что японцы, по выражению одного австралийского офицера, «использовали множество различных трюков, чтобы заманить наших парней в ловушку». Так, японцы часто изображали сдачу в плен, с тем чтобы неожиданно выстрелить в приблизившегося противника, притворялись мертвыми и стреляли в спину, взрывали гранаты и тому подобное. В ряде случаев японцы переодевались в австралийскую военную форму или одевали трофейные каски, чтобы заманить противника в ловушку. Австралийцев, проходивших курс боевой подготовки, обучали убивать японцев, сдающихся в плен с руками за спиной, а солдатам приказывали не покидать поле боя без полной уверенности в том, что все оставшиеся на нем японцы мертвы. Разумеется, большого количества пленных при такой боевой подготовке ожидать не приходилось: часто их убивали просто потому, что не хотели рисковать своими жизнями, а нередко просто оттого, что пленных было некуда девать и некому охранять...

Добывая раненых японцев. 1943 год. (автор – Айвор Хил (Ivor Hele))

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ БАРЬЕР

Ненависть и презрение к японцам со стороны австралийцев часто усугублялись простым непониманием мировоззрения противника. Австралийцам претил фанатизм врага, его безразличное отношение к собственной жизни и готовность умереть в любую минуту. Белому человеку, которого учили сражаться за свою жизнь, воевать, чтобы выжить, это было непонятно. Самоубийственные штыковые атаки, когда шансов победить или выжить уже не было, харакири, массовые самоубийства в безнадежных ситуациях – все это, с точки зрения австралийцев не заслуживало уважения – их письма, дневники и воспоминания полны таких характеристик, как «сумасшедшие... фанатики... тупые ублюдки... не могу понять, то ли японцы фанатически храбры, то ли тупы до идиотизма». Австралийцы просто не могли понять, что код чести японского солдата включал такое понятие как «долг весомее, чем гора, а смерть легче, чем перо».

Солдаты обыскивают тела убитых японцев. На заднем плане австралиец снимает с трупа солдатский жетон. Бруней, июнь 1945 года

Тем не менее, австралийцы часто с уважением отзывались о противнике, особенно выделяя физически наиболее крепких и инициативных морских пехотинцев. Здесь любопытен такой момент: австралийцы бывали необычайно удивлены, увидев японцев ростом за 180 сантиметров, так как пропаганда обычно внушала им, что японцы – на 100% очень низкорослый народ.

Исключительное упорство японцев в обороне, способность держаться до последнего и безрассудная храбрость в атаке, умение маскироваться и строить укрепления заслужили высокой оценки австралийцев. Вместе с тем, некоторые элементы тактики и просто

поведения японцев на поле боя только усиливали презрительное отношение к ним. Один австралийский солдат вспоминал, что как-то уже после того, как его рота захватила высоту, они еще долго отстреливали японцев, пытавшихся вскарабкаться на нее, хотя то, что гребень был в руках противника, уже не могло вызывать сомнений: «Или у них не было мозгов, или они просто... пытались выполнить приказ, невзирая на обстоятельства. Эта неспособность поменять планы и приспособиться к изменившейся ситуации была кардинальной слабостью японцев». Другой солдат вспоминал, что они установили пулемет для обстрела тропы, которую японцы использовали для снабжения своих войск, и японцы день за днем пытались продвинуться по этой тропе. Австралийцы либо хохотали до упаду, либо теряли дар речи от изумления, когда видели, что японцы идут и идут вперед под огнем, не обращая внимания на горы трупов!

Австралийцы позируют на фоне трупов японцев, только что убитых в ходе одной из самоубийственных атак. Остров Лабуан, 21 июня 1945 года.

Многие австралийцы после 1942 года рассматривали самоубийственную беззаветность японцев не как храбрость, а как признак снижения боевого духа. Огромные потери, с которыми воевали японцы, рассматривались австралийцами как признак отсутствия воинского мастерства. Забавляло австралийцев использование японцами в джунглях сигнального горна перед атакой и их пристрастие к воинственным крикам, которые часто выдавали их и облегчали обороняющимся ведение огня. Более того, в рукопашных и штыковых боях, по воспоминаниям австралийских пехотинцев, превосходство физически более крепких «европейцев» над «азиатами» было очевидным, и это при том, что японцы уделяли большое внимание искусству штыкового боя и считали себя в этом большими мастерами!

Австралийский подполковник Робсон дважды отказался принять от японского генерал-майора Уно самурайский меч в знак капитуляции, вынудив его положить меч на землю. Борнео, 17 сентября 1945 года

На войне редко бывает так, что одна сторона ведет себя очень плохо, а другая исключительно хорошо. Вслед за еще недавними временами, когда Вторая Мировая война на Тихом Океане в книгах и кинофильмах изображалась в романтическом свете, а победившая сторона часто преподносилась как образец благородства и рыцарства, пришло время, когда очевидным стало желание послевоенных поколений узнать всю правду о войне. Нередко эта правда шокирует, так как и мотивы, и поведение победителей, которых судить не принято, нередко оказываются далеки от общепринятых представлений. Однако, стремление и честные попытки австралийских писателей и кинодокументалистов рассказать всю правду без купюр можно только приветствовать.

По книге Mark Johnston. Fighting the Enemy. Australian Soldiers and their Adversaries in World War II. 2000.

Также использованы материалы газетных публикаций и телеинтервью с австралийскими и японскими ветеранами ВМВ.

Ранее статья публиковалась в Военно-Историческом Альманахе

(<http://www.almanacwhf.ru>)

Возврат на главную страницу www.warsstory.org